

МАСТЕРА
РОСТОВСКОЙ
СЦЕНЫ

Смех — это серьезно

Актер еще не произнес ни одной реплики, он только выходит на сцену, а зал, смеясь, уже аплодирует. Так поклонники ростовской оперетты встречают своего любимого актера, заслуженного артиста РСФСР Рафаила Ростинина. И неизменно, от спектакля к спектаклю число почитателей его таланта растет.

— Послушайте, и что я в вас такой влюбленный? — произносит актер совершенно серьезно.

Обычная реплика. Сотни исполнителей роли Попандуло из музыкальной комедии Б. Александрова «Свадьба в Малиновке» выходят на сцену с этой коротенькой фразой, рассчитывая на мгновенную реакцию зала. Но не всем удается завоевать зал одной репликой.

— Композитор? Скажи те, композитор!

Смех в зале прерывает сцену; актер терпеливо ждет тишины. Но уже следующая реплика вызывает новый взрыв смеха. Смеются все: и поклонники музыкальной комедии, и скептически настроенные сторонники серьезных жанров в искусстве. И стар, и млад.

Дневной спектакль только окончился, но актер не снимает грима. Впереди еще спектакль. Мы сидим в артистической, и я пытаюсь понять, в чем причина его успеха?

— Говорят, толпу на площади рассмешить легче, чем одного собеседника. И все-таки, как вам удается такая непосредственность в общении с залом?

— Не знаю, что легче, но я очень люблю театр и верю, что без контакта с залом театра нет. Истина? Конечно, но порой ее легче показать, чем превратить в реальность. Вы го-

ворите «рассмешить». Я не хочу смешить, я хочу добиться понимания роли каждым. Если замысел режиссера и мой приняты зрителем, то реакция — смех, как следствие, неизбежен. Конечно, при условии, что пьеса того стоит.

— Признаться, мне казалось, что разговор у нас с вами будет более «веселым».

— А я вообще очень серьезный человек, правда-правда. На сцене я без конца имею дело с «проходимцами», «эмигрантами», «неудачниками»... Мне вовсе не смешно, когда «мой» князь Волянок из оперетты Кальмана «Сильва» узнает, что его жена вовсе не потомственная аристократка: бедняжка, он-то всю жизнь кичился своим высоким происхождением.

— А если серьезно, кто из героев ваш любимец?

— Я люблю свои роли, ведь они помогают развенчивать зло, порок. Мои любимые герои в классической литературе — шуты Шекспира. Что смешно, то уже не опасно. На роли мне вообще везет: сольные, яркие, отлично выписанные образы в классическом музыкальном наследии — в опереттах Штрауса, Кальмана, Дунаевского, Милютина, Александрова. Есть такой профессиональный термин — отрицательное обаяние. Оно свойственно большинству моих героев. Порой легко сбиться на буффонаду: «характерная роль чем смешнее, тем лучше». Это неверно, нельзя обкрадывать образ. Вот знаменитый едесит Япончик. Что это, просто веселый болтун? Ловкий малый, сыплющий анекдоты и байки? Я вижу прежде всего в нем врага и играю врага. Мне думается, чем «смешнее» на первый взгляд роль, тем сложнее работа над нею.

Скоро у актера юбилей: 30 лет на сцене. В эти годы были и веселый зал, щедро дарящий ему аплодисменты, и мучительно выношенное рождение каждой новой роли, и споры с режиссерами.

Шестидесять восемь ролей сыграно Рафаилом Ростининым в оперетте, шестьдесят восемь веселых премьер, в которых остроумные персонажи сражаются с чванством и зазнайством, пошлостью и нелепостью, глупостью и недалекостью. Веселый, жизнерадостный человек издавна был любимым героем народных сказок и песен. Любим его и мы.

Т. ВАРИВОДА.

Фото Г. Длужевского.

180